

А.В.Смирнов

Культурологическая компаративистика в работах Г.А. Ткаченко

Григорий Александрович Ткаченко (1947-2000) был выдающимся синологом. На небосклоне отечественной китаистики второй половины XX века блистало немало ярких фигур, но именно для Г.А. Ткаченко было характерно редкое сочетание тех качеств, которые делают исследователя не только первоклассным специалистом, но и серьезным мыслителем, способным формулировать идеи, которым суждена долгая жизнь.

Среди таких качеств я бы выделил два основных.

Прежде всего, великолепное знание китайской культуры. Оно складывается из многих элементов, но в первую очередь следует отметить три из них. Во-первых, прекрасное владение китайским языком. Во-вторых, предельная «вчитанность» в тексты культуры. В-третьих — и это, пожалуй, главное, — глубокое «чувство культуры». Это чувство возникает только после долгих лет работы, непрестанной, неторопливой и самоотверженной, и только в результате системного овладения изучаемым материалом (который, впрочем, в таком случае и «материалом»-то называть как-то неуместно). Чтобы обрести чувство культуры, необходимы первые два условия: прекрасное владение языком и глубокая вчитанность в тексты. Необходимы, но еще не достаточны: требуется также особый талант — способность ощущать чужую культуру. Она заключается в том, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее нас от другой культуры — но преодолеть его так, чтобы это расстояние сохранилось; более того, пройти разделяющую культуры дистанцию таким образом, чтобы сполна осознать ее суть.

Второе из названных качеств — талант культуролога-компаративиста. Тонкое чувство изучаемой культуры, когда такая культура отстоит от нашей столь далеко, как китайская, не может не порождать постоянное ощущение глубокого, системного различия между двумя культурами. И дело не в самом этом различии, а в том, что исследователь изначально принадлежит своей, а вовсе не изучаемой культуре. Напряжение между возможностями категоризации и осмысления, предоставляемыми нам нашей собственной культурой (ее языком, логикой, научной традицией и т.п.), и между изучаемым материалом, который вовсе не желает уместиться в прокрустово ложе этих возможностей, а требует, кажется, выхода за их пределы, составляет глубокую исследовательскую драму ученого, чутко улавливающего любые вибрации такого напряжения. Григорий Александрович не пошел по незамысловатому пути объявления нашего научного языка единственно возможным для нас как исследователей. Он выбрал куда более трудный, но вместе с тем и гораздо более привлекательный и плодотворный путь — путь осмысления непреложного факта трагического несовпадения языка исследователя и языка изучаемой культуры, путь поиска выхода из этой ситуации. Вокруг данной

проблематики и выстраиваются его работы, в том числе и те, что представлены в настоящем издании.

Уже сама проблематизация этой исследовательской ситуации составляет несомненную научную заслугу Г.А. Ткаченко. Не менее значимы идеи, которые он сформулировал в поиске разрешения этой проблемы. Они носят как методологический, так и собственно содержательный характер.

Если говорить о методологии, то в качестве несомненного вклада Григория Александровича в разработку методов сравнительного исследования культур я бы выделил то, что сам он называл нахождением «контрастивности». Основные черты этого метода следующие. В изучаемой культуре необходимо выделить какой-то участок, некий ее сегмент. Далее, удостовериться в том, что и в «фоновой» (той, с которой производится сравнение) культуре имеется аналогичный сегмент и что сравнение двух культур возможно именно как сравнение выделенных сегментов. Затем найти «силовые линии», благодаря которым данные сегменты сформированы в обеих культурах, исчерпывающе показав внутреннюю логику их выстраивания в двух случаях. Наконец, сопоставить результаты и сделать выводы о различиях.

Образцом применения этого метода служит представленная в данном издании статья «“Жизненные миры” и “образ жизни” в традиционной китайской антропологии», где Григорий Александрович виртуозно показывает «контрастивность» китайской и европейской культур. Под контрастивностью он понимал невозможность свести те или иные явления в сравниваемых культурах друг к другу или к неким надкультурным универсалиям и вытекающую из этого необходимость понять культуру через систему ее внутренних взаимосвязей.

В этом и заключается основной вывод, к которому Григорий Александрович пришел и который он отстаивал в работах по сравнительной культурологии. Культуру он понимал как «универсальный смыслопорождающий механизм» и считал, что именно «объяснение принципа действия» этого механизма «должно будет составить основную задачу исследователя». Эти фундаментальные положения сформулированы им в небольшой статье с характерным названием «К проблеме построения языка описания культур Востока (и Запада)» («Историко-философский ежегодник-1994». М.: Наука, 1995). Их можно считать задающими исследовательскую программу не только для самого Григория Александровича, но и для того круга востоковедов самых разных специальностей, к которому имею счастье принадлежать и я и которые восприняли эти идеи и организовали семинар по их обсуждению, упоминаемый в статье «Прощание с “потенциальным текстом” культуры».

Подход самого Григория Александровича состоял в следующем. Культура представляет собой систему, и понять другую культуру (иную, нежели культура самого исследователя) нельзя через приравнивание ее категорий к категориям собственной культуры. Это положение он выдвигал не в абсолютном смысле, а применительно к сопоставлению китайской и западной культур, взаимная

инаковость которых имеет порядок, вряд ли сопоставимый с порядком различия между генетически связанными культурами.

Итак, в силу глубокой и всесторонней *системности* культуры она не может быть схвачена через приравнивание. Между тем именно поиск эквивалентов в западном культурном арсенале составляет одну из двух главных исследовательских стратегий для тех, кто подвизается, более или менее профессионально, в области восточно-западной компаративистики. Другая стратегия заключается в «закрывании» изучаемой культуры, что выражается прежде всего в объявлении принципиальной безэквивалентности ее основополагающих категорий. Культуроведческие работы начинают пестреть непереуведенными терминами и названиями произведений, а соответствующая культура превращается в ребус, прочитав который непосвященному не под силу. Смысл работ Григория Александровича — в том, что он предложил реальный выход и реальную альтернативу этим двум формально противоположным, но по сути одинаковым и равно малоэффективным стратегиям востоковедной компаративистики. С его точки зрения, необходимо понять и представить изучаемую культуру как *тезаурус*.

Суть понимания культуры как тезауруса заключается в следующем. Чтобы дать представление о том, что означает та или иная категория культуры, необходимо показать всю систему ее связей с другими категориями. Тогда категория, о которой идет речь, становится не неким семантическим «ядрышком», которое мы можем приравнять к другим таким «ядрышкам» в нашей собственной культуре или, напротив, отказаться это делать, а сетью взаимодействий. Категория оказывается представленной не в субстанциальной статике, а в континуальной динамике. Культура в целом как система таких категорий также оказывается динамично-континуальной.

Построение тезауруса следует с чего-то начинать, а «смыслорождающий механизм» культуры должно что-то запускать. Таким толчком служит, по словам Григория Александровича, «изначальный выбор» культуры. С его точки зрения, он совершается скорее всего случайно, но в дальнейшем становится фундаментальным фактором, приводя к формированию «культурной диспозиции» (см. «Прощание с “потенциальным текстом” культуры»), определяющей, как он сам говорил, «габитус носителя культуры», то есть то самое ее «неповторимое лицо», о котором многие любят рассуждать. Дело в том, что именно формирование изначальной культурной диспозиции, то есть задание антиномии, лежащей в основании той или иной культуры, определяет параметры смыслового универсума, в котором данная культура будет разворачиваться на протяжении всего своего дальнейшего существования.

Насколько такой подход может быть применен не только в синологии, но и в сравнительном изучении культур вообще? Эта тема составила предмет размышлений в интереснейшей статье «Прощание с “потенциальным текстом” культуры». Насколько я знаю, она стала последней работой Григория

Александровича, которую он раздал коллегам для обсуждения, но отреагировать на которую при его жизни мы уже не успели.

Наследие Григория Александровича не измеряется многочисленными томами, но оно от этого не менее значимо. В этом издании читатель познакомился с первой его книгой («Космос, музыка, ритуал»), в которой заявлены основной предмет и основная тема творчества Г.А. Ткаченко. Это — «Люйши чуньцю» («Весны и осени господина Люя»), памятник III в. до н.э., который сам он определял как «идеологически нейтральный» и о котором, по его словам, «китайская традиция высказалась как о не “конфуцианском” и не “даосском”, а “эkleктическом”» (см. статью «Отражение традиционных представлений о космосе...»). А основной темой его теоретических размышлений уже в этой книге стала тема целостности культуры, в данном случае — китайской культуры. Не менее значимы статьи, представленные в настоящем издании. Взгляды Григория Александровича, конечно же, эволюционировали, но его внимание всегда было сосредоточено на теме системности культуры. Эти статьи дают представление о постепенном углублении представлений автора вокруг нее.

Г.А. Ткаченко был необыкновенно требователен к себе, и только этим, на мой взгляд, объясняется тот факт, что при жизни он не опубликовал перевод «Люйши чуньцю». Он был издан в 2001 г. в серии «Философское наследие» вместе с переводом «Дао дэ цзина» и рядом статей по даосизму. Талант Григория Александровича как переводчика несомненен. Вышедший из под его пера русский текст избегает обеих опасностей, которые подстерегают тех, кто решил взяться за изложение отделенных от нас веками фундаментальных памятников другой культуры. Эти опасности — оmodernить текст, и прежде всего его терминологию, или же, напротив, представить его в сугубо «зашифрованном» виде, неуклюжем по языку и содержательно невнятном для неспециалиста. Для новых поколений отечественных сиологов переводческая техника Г.А. Ткаченко должна, несомненно, стать предметом изучения. Он владел очень редким искусством — изложить текст на языке перевода так, как тот читался бы на языке оригинала.

Считается, что настоящий философ должен самым образом жизни подтверждать истинность своих взглядов. Видимо, настоящему исследователю культуры надлежит работой с ее текстами подтверждать правильность своих теоретических выкладок, выстраивая перевод в соответствии со своим пониманием сути культурологической компаративистики. В этом смысле совпадение между переводческой техникой и теоретическими взглядами Г.А. Ткаченко было, на мой взгляд, идеальным.

Тема системности китайской (как и любой другой) культуры была главной в творчестве Григория Александровича, а магистральным путем ее разработки в синологии он считал построение тезауруса культуры. Этой цели служит его последняя крупная прижизненная публикация: «Культура Китая (словарь-справочник)» (М.: Издательский дом «Муравей», 1999). За нарочито скромным названием и столь же скромной аннотацией скрывается

фундаментальной важности научная задача: дать понять любому «внешнему» наблюдателю, что такое китайская культура, исходя из нее самой, оперируя только ее собственным материалом и опираясь только на ее внутренние системные связи. Конечно, «Словарь» был лишь первым опытом и первым шагом в этом направлении, за которым, несомненно, должны были последовать более глубокие разработки.

Работы Григория Александровича Ткаченко — это проект, открытый будущему. Им заложены основания необыкновенно перспективного направления в культурной компаративистике и герменевтике культуры. Нам еще предстоит вновь и вновь переоткрывать для себя глубину намеченных им подходов, споря и соглашаясь с ним как с нашим постоянным собеседником.